

УДК 391

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: mf11@mail.ru

ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КРЕСТЬЯН ПРИОБЬЯ, БАРАБЫ, КУЛУНДЫ И АЛТАЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение

Специфика русского орнаментального искусства заключается в том, что спустя много веков после распространения христианства оно не утратило сюжетных композиций времен славянского язычества. Однако вопрос о генезисе многих мотивов народного искусства вряд ли можно считать решенным, несмотря на то, что специалисты разных областей знания (этнографы, искусствоведы, археологи) периодически предлагают свои варианты интерпретации композиций и их отдельных элементов. Совершенно очевидно, что выяснить происхождение сюжетов архаической вышивки, проследить их связь с обычаями и обрядами возможно только при максимально полном сопоставлении имеющихся материалов по всему комплексу явлений духовной культуры, восходящих к разным этапам исторического развития восточных славян.

Материалы, полученные во время экспедиционных исследований на юге Западной Сибири, демонстрируют удивительную стойкость традиций духовной и материальной культуры восточно-славянских народов и свидетельствуют о достаточно широком распространении в этом регионе орнитоморфных мотивов в семейной и календарной обрядности, изобразительном искусстве. Что стоит за фактом популярности “птичьих образов” у русских крестьян Западной Сибири? В какой мере это отражает этнокультурную специфику населения территории “вторичного” освоения?

Основными источниками для анализа поставленных выше проблем являются полевые сборы

двух типов. К первому относятся предметы рукоДЕлия крестьян Западной Сибири конца XIX – начала XX в., прежде всего вышивки, домовая резьба и росписи прялок, обнаруженные в селениях и музеях Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая. Вторым источником являются записи бесед с информаторами, позволившие в известной степени восстановить локальные комплексы календарных и семейно-свадебных обрядов.

Орнитоморфная символика в обычаях и обрядах

Орнитоморфные образы в традиционной культуре восточно-славянских народов не раз становились объектом изучения специалистов. Внимание археологов привлекали широко представленные в восточно-славянских курганах VI–X вв. наборы амулетов, включающие привески-уточки, точно передающие силуэт птицы [Булычев, 1899, с. 79; Седов, 1982, с. 266–268, 291; и др.]. После В.В. Стасова [1894], отметившего строгую взаимосвязь иконографии народной вышивки с дохристианскими верованиями славян, к этой проблеме в той или иной степени обращались В.А. Городцов [1926], Б.А. Рыбаков [1981], Г.С. Маслова [1978], Г.П. Дурасов [1980], Т.А. Бернштам [1982], О.А. Сухарева [1983], А.П. Косменко [1984], П.Р. Гамзатова [2002] и др. А.К. Амброз одним из первых заметил разницу между узорочьем деталей женской одежды, где преобладал геометрический рисунок, и орнаментом на полотенцах, отличающим-

ся сложными композициями [1966, с. 61]. Благодаря многолетней собирательской работе этнографов накоплен значительный материал, позволяющий глубже понять семантику орнаментального искусства рукоделий (полотенец) в обрядовой жизни восточнославянских народов.

Поверья, связанные с птицей, оказались чрезвычайно живучими в народном фольклоре, особенно в сюжетах, где герой прибегает к помощи пернатых для своего освобождения. Обращаясь к сибирскому фольклору XIX – начала XX в., вспомним образ разбойника-сезеня, которому, чтобы выплыть из тюрьмы, была нужна только “ложка воды” [Потанин, 1864, с. 152]. Сакральность орнаментов орнитоморфного типа подтверждена полевыми материалами, собранными на территории как Европейской России, так и Сибири. “Возможно, вышивание выполняло ту же роль, что и заклинание”, – писал исследователь Г.П. Дурасов [1980, с. 98].

Вышитые полотенца помещали на иконы в красном углу – напротив входной двери (“вешали на Божницу”). Они висели на Божнице либо постоянно, либо по праздничным и родительским дням (рис. 1). Из семейных торжеств наибольшим богатством традиционных обычаяв отличалась свадьба: женские рукоделия были неотъемлемым элементом целого ряда обрядов. “Милующихся”, целующихся птичек вышивали как пожелание молодым жить в любви и согласии, ведь брак небесный мыслился как первообраз земного брака, а венчание включало таинства, содержащие благословение Божье на брачный союз [Потебня, 2000, с. 419]. Девушки в Берской вол. Барнаульского уезда, помогая готовить невесте приданое, в т.ч. полотенца, пели:

*Как на травке – на муравке зеленої,
Эй, сидел голубь со голубушкой своей.
Эх да, со голубушкой своей.*

*А у голубя золотая голова,
Эй, да у голубки да позолоченная.
А у голубки да позолоченная.
Эх, черным шелком она наструченная!...*

(записано автором от старожилов д. Лебедевки Искитимского р-на Новосибирской обл.).

У старожилов сезень упоминался в песнях, сопровождавших банный обряд накануне свадьбы. Когда мыли невесту в бане, то подружки, поливая печку-каменку, распевали:

*На горючем, на камушке сезенюшка косу вьет,
Сера утица полошица, красна девица хорошица...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой, пос. Шемонаиха Восточно-Казахстанской обл.).

Когда у невесты расплетали косу, девушки пели про птицу “пташечку”, “ласточку”, рано вылетевшую из “родительского гнезда”:

*Уж, ты пташечка, белокрылая,
Ты зачем рано с гнезда слетаешь?
Ты зачем рано выпархиваешь?
Не сама-то я с гнезда лечу,
Не сама-то я выпархиваю.
Приходил ко мне уговорничек,
Говорил мне слова ласковые...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой там же).

Сходный образ девушки-птицы, рано выпорхнувшей из родительского гнезда, присутствовал в обряде “расплетения косы” во многих других этнографических группах, например, у старообрядцев Васюганья:

*Сидит она, ласточка, на горе, на горе.
На сереньком камушке сидючи, сидючи...*

(записано автором от С.Г. Степанова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.).

У украинцев Кулунды девушки, приглашая подружек на прощальный вечер-девичник, пели:

*Ой, просо, как трава, ходит наша Наденька, как пава,
Пока себе дружочек собрала, темненькая ночь настала.
Ой, попе, попе Гордию, не звони рано в неделю,
Звони рано в субботу, потеряйте, дружечки, работу...*

(записано автором от В.Н. Свириденко, пос. Краснозерное Новосибирской обл.).

Рис. 1. Оформление красного угла, г. Куйбышев (быв. Каинск) Новосибирской обл. Музей школы.

В Карасукской вол. Барнаульского уезда во дворе жениха, отправлявшегося за невестой, свахи пели:

*Ой, крикнул орел, сидя на дубу,
Отозвался Иван со своему двору.
Ой, горе мне одному,
Если б мне Наденьку молоду...*

(записано там же).

Крестьянки Приобья, Барабы, Кулунды, Алтая и Васюганья, когда подружки привозили от невесты “узел”, на стенах в доме жениха развешивали полотенца, и те висели во время всего свадебного пира. Полотенцами украшали и свадебный поезд. Когда ехали “брать” невесту, дружку или свату полотенцем обвязывали грудь, поезжане обматывали женскими рукоделиями свои шапки. Во время венчания полотенце стелили под ноги брачующихся. Даже в начале XX в. дохристианские верования во многом определяли мировоззрение сибирского крестьянства, орнаменты выполняли обережную функцию. Как считал В.А. Городцов, сакральные узоры на рукоделиях сопровождали семейные обряды, свадьбы, во время которых “невесты обязаны были наглядно доказать знание религиозных символов и умение их воспроизводить” [1926, с. 35]. Использовавшиеся при венчании полотенца и свечи хранили всю жизнь, считалось, что они лечат психические и некоторые другие заболевания детей и взрослых. Например, в Ояшинской вол. Томского уезда ребенка, чтобы избавить от т.н. младенческой (нервных) припадков, заворачивали в такое полотенце и зажигали свечи.

“Птичья символика” пронизывала и календарную обрядность восточно-славянских народов изучаемых территорий Сибири. Она нашла отражение в святочных девичьих гаданиях о “суженом-ряженом”, в призывах к весне прийти поскорее. Как свидетельствуют полевые материалы, селянки Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая часто использовали птиц в качестве предсказателей будущего – была живучая вера в вещательные способности петухов, кур. Гадание с участием этих птиц происходило так: на пол насыпали кучки соли, угля, пшена, рядом ставили в тарелке воду, выпускали петуха или курицу и следили за поведением птицы. Считалось, что если она сначала подходила к соли или углю, то у гадавшей девушки будет горькая жизнь, если к воде – муж будет пьяницей, если к пшенице – ждать богатого, хозяйственного жениха. Вообще в поведении петуха видели много значений, и свое толкование имело буквально каждое движение птицы. В Иткульской вол. Каинского уезда петуха и курицу обычно заносили парой и наблюдали за их поведением. Если пернатые начинали драться, то это расценивалось как предупреждение о драчливости мужа, если квохотали друг с другом, – как признак согласной семейной жизни и т.д. Плохой приметой считалось, если девушке перед свадьбой на кровать вскочит петух.

Орнитоморфная символика зафиксирована в стихотворениях-“пророчествах”, считавшихся благожелательными, которые зачитывались после исполнения подблондных песен с рефреном “Илия”:

*С переулка летит сокол, (считалось, что гадавшей
Со второго соколица, выпало удачное
Они слетаются да целуются... замужество)*

Или:

*Рылася курочка
У царя под окошечком,
Вырыла курочка (прогноз совпадал
Золотой перстенек... с вышеуказанным)*

(записано автором от М.Я. Загайновой, пос. Маслянино Новосибирской обл.).

Песни о “лебедушках”, “утушках” можно было слышать на святочных игрищах сибирской молодежи. Например, в хороводах двое парней ходили по кругу, взяв понравившихся им девушек за руку, в это время остальные пели:

*У воротичек, воротичек
Два лебедушки плавают,
Два хороших плавают.
По этому разливчику...*

(записано автором от А.П. Гуторовой, д. Григорьевка Бенгеровского р-на Новосибирской обл.).

Приведем региональный материал по весенней календарной обрядности, включавший образы птиц. В некоторых песнях, исполнявшихся девушками на Масленку во время катания на санях, любимый человек назван “златокрыленьким голубочком”:

*Эх, златокрыленький, да мой голубочек,
голубочек, ох ты!
Ты зачем, да зачем да, в гости ко мне
не летаешь, не летаешь?
Ох да, разве душу, разве душу мою ты
не знаешь, не знаешь?...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой, пос. Шемонаиха Восточно-Казахстанской обл.).

По своему характеру они стоят ближе к лирическим “девичьим страданиям”.

К Сретению в старожильческих и некоторых переселенческих семьях из дрожжевого теста стряпали “пташечек” и раздавали их совсем малым детям и подросткам. Дети ходили с угощением по деревне и пели:

*Весна-красна пришла
На прутички, на хомутички
Пришла вясна, тепла приняла...*

(записано автором от М.Л. Скоробогатовой, пос. Кыштовка Новосибирской обл.).

В конце гулянья выпечку съедали.

Переселенцы белорусы “закликали” весну, как правило, в Благовещение и на Сорок мучеников. Они так-

же выпекали из теста “жаворонков”, с которыми дети “загукали” весну, обращаясь к ней, как к живому существу. На Сретение заботливые хозяева-белорусы кормили “с правого рукава” (с правой руки, закрытой рукавом) овсом кур, “чтобы яйца были крупные” (Е.М. Ворошикина, д. Зверобойка Тогучинского р-на Новосибирской обл.).

Практически во всех восточно-славянских группах считалось, что весна начинается с 1 марта, со дня Евдокии, или по-украински Евдошки. С этим днем было связано много примет и предсказаний. В Карасукской вол. украинцы говорили: “Если курица напьется на пороге (на проталине. – Е.Ф.), значит, весна будет дружная, теплая” (И.М. Митейко, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.).

В представлении крестьян-старожилов праздник Благовещения (25 марта) приравнивался к “первопаске”: “Что Пасхи первый день, что Благовещение” (П.Л. Баранова, д. Ключевая Венгеровского р-на Новосибирской обл.). Этот праздник предусматривал жесткий запрет на любые виды хозяйственной деятельности, прежде всего связанной с женским рукоделием. Собственно, запрет определил основное содержание христианского праздника, поэтому при любом упоминании о нем информаторы повторяют ставшую сакральной фразу: “Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет” (В.Е. Шмакова, д. Новошмаково Черепановского р-на Новосибирской обл.). В семьях из боязни совершить грех и быть наказанным за это зорко следили, чтобы кто-нибудь не забыл и не нарушил запретов. Прясть в праздник считалось чрезвычайно большим грехом; согласно поверью, зафиксированному А.А. Макаренко в Енисейской губ., одна ослушница в наказание была превращена в кукушку [1993, с. 51]. У сибирских белорусов считалось, что все сделанное на Благовещение не имело перспективы, не могло получить развития, например, из снесенного яйца не выведется цыпленок: “Если гус яичко снэс и не выведе дитеночка”. По воспоминаниям пожилых людей, в Белоруссии в связи с прилетом птиц ходили “закликать” весну к “большому дубу” и сидящему в гнезде аисту – “птице бус”. В Сибири на Благовещение исполнялись песни-приглашения, считалось, что в этот день прилетят лебеди. Услышанные нами весенние песни пели на пригорках или за селом: “Благослови Боже, благослови Боже весну загукати!”, “А весна-красна, а Марьяночка, погнала коров ранечко...” (Записано от П.Ф. Клинцовой, пос. Кыштовка Новосибирской обл.).

Украинцы, как и другие восточные славяне, буквально понимали известное благовещенское предостережение, которое у них звучало: “Дэвка косы нэ плетэ, ворона хнезда нэ вьуть” (А.Ф. Шулик, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.). По украинскому обычаю, хозяйки присматривали в этот день за домашней птицей, чтобы яйцо, снесенное не в срок, выбросить или скормить курам, поскольку оно считалось “нечистым”. “Даже хус снэсэ

яичко – так отбрасывали это яичко, оно нечистое” (А.Ф. Шулик, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.). Несомненно, что эта традиция была завезена в Сибирь с украинской прародины [Зеленин, 1914, с. 276]. Считалось, что ближе к 22 марта должны прилететь лебеди. Лебедь была почитаемой птицей, которая чудесным образом появляется, несмотря ни на какие неблагоприятные погодные условия. “Лебедь перед Благовещением приходит. Другой раз буран, а лебедь пришел. 22 марта – смотри – все равно придет” (М.Е. Романок, д. Лотошное Краснозерского р-на Новосибирской обл.). В данном случае в Сибири сохранилось содержание известного украинского обычая ожидать прилет птиц, но не аистов, как, например, в Волынской губ., а лебедей [Там же]. Обращает на себя внимание приуроченность встречи лебедей к срокам весеннего равноденствия, природным ритмам. В среде украинцев сохранилось предание про девушку, которая пряла в неурочное время Благовещения и “сделалось ей”: став нарушительницей запрета, она “стала кукать” – превратилась в кукушку (вариант: в русалку) (В.Ф. Карпенко, д. Ярки Черепановского р-на Новосибирской обл.).

В ряде районов Барнаульского уезда в семьях старожилов-чалдонов не было принято стряпать “птичек” ко дню Сорока мучеников, как называли в народе православный праздник “40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся” (9 марта). В Ординской вол., например, “птичек” пекли белорусы (А.А. Храпов, д. Чингисы Ордынского р-на Новосибирской обл.). В селениях Карасукской, Малышевской, Николаевской волостей в день Сорока мучеников сибиряки из пресного теста стряпали птичек-“жаворонков” (Е.И. Чичканова, д. Чернокурья Карасукского р-на Новосибирской обл.). “Птичек” клали на высокие столбы или раздавали детям, которым полагалось обегать окрестности деревни, припевая:

Жаворонушки! Придите к нам,
Принесите нам
Весну-красну
На носочке, на бородушке!

(записано автором от П.П. Кошкиной,
д. Новая Курья Карасукского р-на
Новосибирской обл.).

В Сузунской, Малышевской, Ординской волостях “жаворонками” одаривали и стариков, “чтобы Богу помолились” (К.А. Бурцева, д. Факел Искитимского р-на Новосибирской обл.). Пожилые информаторы вспоминают, что такие обрядовые действия имели целью “встретить весну”; при этом количество жаворонков, по одним сообщениям, значения не имело (Е.И. Чичканова, д. Чернокурья Карасукского р-на Новосибирской обл.), по другим – было строго определенным (К.А. Бурцева, д. Факел Искитимского р-на

Новосибирской обл.). В Каинском уезде “кулики” в виде птичек-“колобков” выпекали из несдобного теста, смазанного постным маслом. Их раздавали детям, которые забирались на крыши хозяйственных построек и кричали: “Жаворонушки! Придите к нам… Кули-весна! На чем пришла?...”. Вдоволь накричавшись, они съедали “кулики”. Традиция предусматривала делиться со всеми сверстниками. Песни-“заклички” различались: в одних имело место обращение непосредственно к “весне-красне”, а в других – при выпечке “птичек” обращались с просьбой к пернатым “принести весну”. Записанные у старожилов Каинского уезда веснянки обнаруживают сходство с аналогичными южно-русскими обрядовыми песнями, исполнение которых сопровождалось игровыми моментами [Славянские древности, 1995, с. 184].

Переселенцы из Поволжья выпекали “жаворонков” в виде птичек и раскладывали их на крышах своих домов. Стоя внизу, дети громко пели:

Кули-весна!
На чем пришла?
На прутичке, на хомутичке,
На ржаном споне,
На овсяном колоске!

(записано автором от А.Ф. Лавришевой,
д. Минино Венгеровского р-на
Новосибирской обл.).

После исполнения песен “жаворонков” оставляли на крыше, “чтобы птички склевывали”. Одна из информаторов вспоминала случай из детства, когда выпавшего из рук жаворонка съела собака. Родители объяснили ей, что это хорошо: “Собака съела зиму”.

Согласно представлениям старообрядцев-курганов, весна начиналась в марте со дня, посвященного Сорока мученикам. К этому дню из кислого теста пекли “жаворонков”, или “к/х/ресты”. Дети встречали весну на возвышенных местах, крышах домов с соответствующими песенками, которые помнятся старикам и сегодня:

Жаворонки, прилетите! Красну весну принесите!
Нам зима надоела, весь хлеб переела!
Всю куделью перепряла, всю солому перемяла! О-о-о!

(записано автором от Л.О. Федотовой,
д. Новоабышево Тогучинского р-на
Новосибирской обл.).

Российские переселенцы исполняли свои варианты песен-“закличек”:

Жаворонки, жаворонки!
Где ваши дети?
За ляском – закрутились калясом...

(записано автором от “калужанки”
А.П. Крючковой, д. Пайвино Маслянинского р-на
Новосибирской обл.).

Проживавшие в Сибири белорусские крестьяне “закликали” весну, как и жители Белоруссии, в день Сорока мучеников, или “Сорок Сараков” [Белорусы, 1998, с. 397]. Из белой муки они пекли фигурки птиц и раздавали их детям с напутствием: “Бегите детки весну закликать!”. Ребятишки, бегая по улице, кричали: “Сорока! Сорока!”. В шутливой форме они вели ритуальную игру-диалог, которая выглядела примерно так: “Ну, что твоя цепушка снеслась? Моя снеслась!”. Ответ обычно был подтверждающим: “Моя снеслась!”. После такого диалога и заверений в “яйценоскости птиц” выпечку съедали. Однако большее распространение получил обычай выпекать к этому дню 40 булочек, которые назывались зужинками, или журавлями (Х.С. Ермошкина, д. Надеждинка Северного р-на Новосибирской обл.). Белорусские женщины раздавали фигурки детям, которые бегали с булочками по улице, ели их сами и угождали других. Согласно бытовавшим на Украине традициям, перенесенным и сохраненным в Сибири, сибирские украинцы не придавали выпечке орнитоморфную форму, это были бублики или “хресты”.

Орнитоморфные орнаменты

По мнению видного исследователя русского народного орнамента Г.С. Масловой, птица – один из любимых и наиболее распространенных образов северо-русской вышивки [1978, с. 57]. Возможно, это связано с тем, что жители Русского Севера чувствовали себя гораздо более зависимыми от древних языческих божеств, чем, например, население центральных областей [Макаров, 1986, с. 20].

Типологически наиболее архаичными для староильческого населения Приобья являются плоскостные изображения (представлявшие как бы вид сверху) парящих птиц с расправленными крыльями (рис. 2). Встречаются изображения птиц, приближенные к крестообразным фигурам; по контуру они напоминают известные на Русском Севере щепные (из деревянной щепы) птицы-кресты, а также фигурки в виде креста, выпекавшиеся для зазывания весны [Фурсова, 2002, с. 205] (рис. 3). Подобные узоры вышиты в технике белой переки: плотно заполненное стежками туловище птицы выделяется на фоне разряженной ткани. Судя по просмотренным образцам, в каждой семье весьма искусно владели приемами техник тканья и вышивки, в массовой крестьянской культуре люди были не пассивными наблюдателями, а исполнителями [Громыко, 1986, с. 531].

Гораздо шире представлены орнаменты с профильными изображениями пернатых. Такой рисунок вышивали в технике креста разной степени плотности, что, возможно, свидетельствует о том, что ранее он выпол-

Рис. 2. Полотенце, оформленное в технике белой перевити, конец XIX в., Новосибирская обл. Искитимский музей.

Рис. 3. Полотенце, конец XIX в., с. Огнева Займка Черепановского р-на Новосибирской обл. Полевые материалы автора.

нялся в иной технике, скорее всего, по разряженной ткани. По мнению В.П. Даркевича, поверхность русской архаической вышивки напоминает решетку сугна, ячейки которой в шахматном порядке часто заполняются крестами – символами солнца и огня [1960, с. 13]. Узоры подобного типа зафиксированы автором в с. Большой Башелак Чарышского р-на Алтайского края (рис. 4). Информатор Татьяна Афанасьевна Поломошнова 1914 г.р. называла изображенных птиц гусями, вышивать их ее научила мама. В рисунке вышивки поражает графичность, плавучесть линий, точный ритм черно-красно-белых пятен. Фактурность достигается за счет разной степени заполненности холщевого полотна крестами. Эти величественные птицы, названные гусями, имеют витиеватые хвосты, а на головах подобие корон, что позволяет видеть в них сказочных царей-птиц, “диких гусей-лебедей” и пр.

Вязаные крючком вставки и/или концы полотенец сохранили изображения как весьма старинных, схематичных мотивов (“павы”, “лебеди”, “гуси” и пр.), так и модифицированных с целью усиления реалистичности образа. На образцах, где орнамент выполнен крючком, фигуры заполнены плотными “столбиками” (рис. 5). В орнаменте на полотенце из Усть-Тартасской вол. Каинского уезда “павы” расположены в ряд, две центральные крупные – с роскошными хвостами и хохолками (короны?),

Рис. 4. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Большой Башелак Чарышского р-на Алтайского края. Полевые материалы автора.

Рис. 5. Полотенце, начало XX в., д. Заячье Чановского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

Рис. 8. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Лебедево Тогучинского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

Рис. 6. Полотенце, конец XIX в., Новосибирская обл.
Бенгровский музей.

Рис. 7. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Кукарка Карасукского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

по бокам от них – более мелкие и менее “пушистые”. Сверху и снизу рисунок обрамлен растительными орнаментами, выполненными в технике крест (рис. 6). Выше помещены инициалы Т.Н., обозначающие либо начальные буквы имен жениха и невесты, либо инициалы мастерицы. Еще выше орнитоморфные фигурки повторяются несколько раз: это и вполне реалистичные изображения петухов, между которыми “целующиеся птички”, и опять же профильное схематичное изображение “павы” в качестве верхней точки выстроенной “птичьей пирамиды”. Между петухами вышито “древо” в виде трилистника, окруженного V-образными фигурами, позволяющими видеть в них тех же птичек. По бокам – два человечка, у одного руки подняты вверх, у другого опущены вниз. Завершает эту многофигурную композицию пара растительных орнаментов. Нити основы переплетены в виде ячеек, из которых исходит бахрома. В Приобье и Кулунде были известны и другие варианты композиций с профильными изображениями. На концах полотенца из Карасукского р-на Новосибирской обл. с каждой стороны от стилизованного дерева-вазона показаны по “паве” (в отличие от “классических” у них укороченные хвосты) и “павенку” – мотив, характерный для вышивки Заонежья [Маслова, 1978, с. 60]. У птиц поднятые вверх высокие, почти вровень с головой, крылья (рис. 7). В изображении дерева можно увидеть также антропоморфную женскую фигуру с высоко поднятыми руками. Над этой композицией красными и черными хлопчатобумажными нитями вышит растительный орнамент. На некоторых образцах в орнаменте одновременно сочетались фронтальное и профильное изображения птиц, выполненные в технике белой перевити [Фурсова, 2002, с. 132].

В технике креста и различных его комбинаций изображали гусей, уток, петухов с выразительными пестрыми хвостами (рис. 8, 9). Согласно русской мифологии, утром своим криком петух вызывал солнце, пробуждающее природу от сна [Афанасьев, 1995,

а

б

Рис. 9. Полотенце с петушком.
а – 1920–1930-е гг., пос. Чистоозерное Новосибирской обл.;
б – конец XIX – начало XX в., Новосибирская обл. Ордынский музей.

с. 152]. Выражения “красный петух”, “пустить петуха” в устной народной речи означали пожар или поджигание. В северо-русском иконографическом шитье петухов часто изображали на плечах царицы небесной [Городцов, 1926, с. 33]. Люди старшего поколения вспоминали о событиях давно прошедших дней, когда им доводилось быть дружками на свадьбах, со словами: “Сколько я петухов перетаскал за свою жизнь...”. Чтобы спасти честь новобрачной, рубаху молодой кропили кровью петушиного гребня.

Орнитоморфные узоры резьбы наличников и росписей прялок в рассматриваемых регионах За-

Рис. 10. Расписная прялка, конец XIX – начало XX в.
Музей Чистоозерного р-на Новосибирской обл.

Рис. 11. “Птичья символика” в росписях старинных домов Западной Европы, Барселона. Фото автора.

падной Сибири композиционно совпадают с орнаментами крестьянских вышивок (рис. 10). Вообще этот мотив универсален: сходные профильные изображения птиц с вазонами еще сохраняются в росписи старинных домов, например на юге Западной Европы (рис. 11). Фигуры птиц в сочетании с “райскими древами” присутствуют в иллюстрациях старообрядческих книг (поучениях, житиях) с подписями: “Завистию же дияволею прельщен, иди причастися” и пр. (рис. 12).

Вопросы генезиса и символики образа двуглавого орла в русской народной вышивке представляются

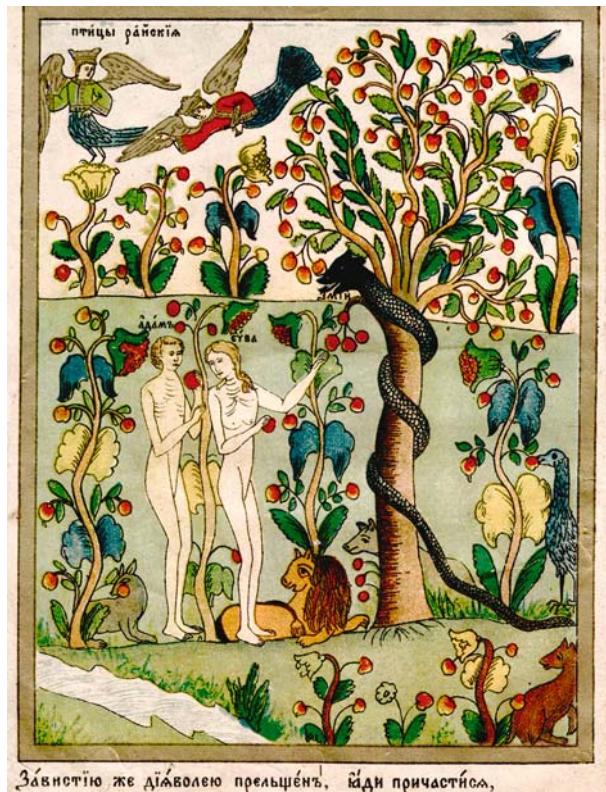

Рис. 12. Рисунок из старообрядческой книги XIX в.

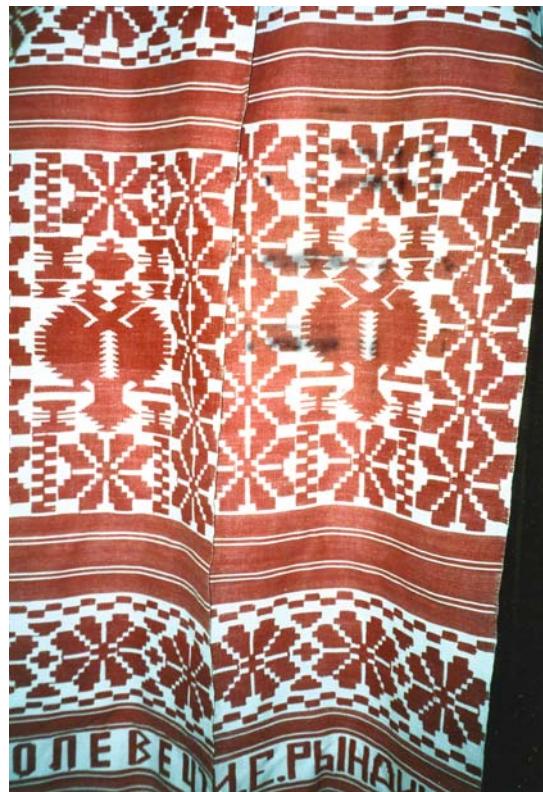

Рис. 14. Типичное украинское полотенце из селений с компактным проживанием украинцев.

Рис. 13. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Кукарка Карасукского р-на Новосибирской обл. Полевые материалы автора.

спорными: по мнению одних исследователей, этот мотив имеет древние корни, связанные с образом “огня небесного” [Дурасов, 1980, с. 98], по мнению других – изображение двуглавого орла пришло в русскую вышивку сравнительно поздно, в XVII–XVIII вв., и оформилось под влиянием официального символа (герба) Российского государства [Маслова, 1978, с. 70; Жарникова, 1983, с. 89]. По имеющимся в нашем распоряжении материалам для исследования динамики развития этого мотива более важен получивший отражение в свадебных полотенцах процесс замены орнитоморфных одноглавых архаичных изображений двуглавыми. Однако в исследуемый период говорить об этом явлении как повсеместном для Сибири не приходится, т.к. рассматриваемый сюжет был привнесен сюда российскими переселенцами (в конце XIX – начале XX в.) (рис. 13, 14).

Источниковедческий анализ вновь полученного материала позволил сделать вывод о том, что в оформлении предметов рукоделия, собранных на территориях позднего освоения и датируемых серединой XIX – началом XX в., сохранились разнородные пластины орнаментальных мотивов. Встречаются композиции как архаичные, которые типологически соотносятся с древними русскими изображениями “богини” с птицами или только одних птиц, так и сравнитель-

но новационные, более натуралистичные и, соответственно, десакрализованные. Такая трансформация изображения птицы сопровождалась дополнением “птичьих образов” растительными узорами, которые позднее стали играть в композиции первостепенную роль. Подобные процессы подтверждают общую тенденцию, проиллюстрированную нами на примере развития антропоморфных композиций вышивки у сибирских старообрядцев Васюганья [Фурсова Е.Ф., Голомянов, Фурсова М.В., 2003, с. 80–86].

Выводы

Образы птиц являлись неотъемлемой частью традиционной культуры восточно-славянских народов в Западной Сибири. Они присутствовали при исполнении семейных и календарных обрядов, к ним обращались в произведениях обрядового фольклора, ими были насыщены орнаментальные композиции женских ритуальных рукоделий.

В семейной обрядности восточных славян в Западной Сибири символика образов птиц была чрезвычайно развитой и многозначной: голубь с голубушкой, лебедушки – любовная пара, сокол, орел – образы, соотносящиеся с женихом, пташечка, ласточка, пава (у украинцев) – просвятанная девушка, селезенюшка с утицей, которые плещутся в реке, – представление о заключении брака и т.д. Вышитые на полотенцах птицы входили в символическую систему свадебной обрядности, “небесного брака”. Как свидетельствуют материалы, их образы были связаны с магией плодородия (например, сюжет павы с павенками). Изображения птиц в орнаментах выполняли функцию оберега; воркующие, обращенные друг к другу птицы, возможно, должны были способствовать установлению доброжелательных отношений между молодоженами, жизни в любви и согласии. Образ птицы, по мнению многих исследователей, был неотъемлемой частью мира небесного и его олицетворением на земле: присутствие подобного сюжета в качестве свадебной символики в орнаментах рукоделий отражало распространенную идею о том, что браки заключаются на небесах (поэтому их нельзя было расторгнуть без уважительных на то причин). Вышитые композиции из фигур гусей-лебедей с зеркально-симметричным противопоставлением правой и левой сторон, судя по имеющимся материалам, восходят к глубокой индоевропейской древности, олицетворяют мир, гармонию, плодородие земли. Смысл заклинаний в изучаемое время уже не был понятен мастерницам, однако “безликие”, не вышитые, без орнаментальных узоров полотенца не вывешивали на иконы, не приносили в церковь к венчанию и т.д., а использовали только по основному назначению – как “утирки”.

В календарной обрядности птиц привлекали для гаданий, в фольклоре их образы символизировали прорицателей, предвестников событий в жизни людей, смены времен года и пр. У русских старожилов Васюганья, Северной Барабы, переселенцев с Поволжья, белорусов еще в первой трети XX в. быговали и помнятся до сих пор обрядовые песни – “веснянки” с обязательным обращением: “Весна-красна...” (старожилы), “Благослови Боже...” (белорусы), “Жаворонки-дуда...”, “Жаворонки прилетите...” (старообрядцы-курганы). В исследованных районах Томской губ. птишками (старожилы Васюганья), куликами (старожилы Барабы), жаворонками (старожилы Кулунды, старообрядцы-курганы), воробушками (рязанские переселенцы), цепушками, сороками, журавлями, зужинками (белорусы), хрестами (украинцы, старообрядцы-курганы), бубликами (украинцы) называли ритуальное печенье, что свидетельствует, на наш взгляд, о сложении разных вариантов традиций на момент формирования названий на исторической родине, но не о позднем их происхождении [Соколова, 1979, с. 76]. “Птичья символика” выпечки была связана с обрядовыми песнями – призывами к мифологизированному образу весны “прийти” и необходимостью изготовления ее атрибута; хлеба в форме круглых бубликов, булочек были обращены к аграрно-производящей магии, направленной на произрастание будущего урожая.

В заключение подчеркнем уже не раз отмечавшееся автором наблюдение: на изучаемой территории в условиях инокультурного окружения и отдаленности от метрополии произошла консервация ранних пластов культуры восточных славян в ведованиях, фольклоре, женских рукоделиях. Образы пав, утиц, селезенюшек, гусей, лебедей, куликов, петушков, голубей, соколов в обрядовых песнях, вышивках, росписях прялок, резьбе наличников свидетельствуют об их древности и важном месте в мифоэтическом восприятии мира переселенцами, покинувшими исконные земли за многие тысячи километров. Преобладание изобразительных “птичьих” мотивов в ряде местностей на юге Западной Сибири выявляет северорусский компонент в традиционной культуре сибиряков, в состав которых, несомненно, входили выходцы из северных и центральных областей России, Поволжья – мест наибольшего распространения этих узоров. Некоторые типажи изобразительного орнамента (павлины, двуглавые орлы) были привнесены переселенцами из Украины и Белоруссии. Слитность разных областей духовной жизни крестьянства, таким образом, в изучаемое время воплощалась в конкретных образах окружавшего мира и проявлялась в календарной, семейно-праздничной обрядности, фольклоре, прикладном искусстве.

Список литературы

- Амбров А.К.** О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. – 1966. – № 1. – С. 61–76.
- Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 412 с.
- Белорусы** / Редакторы В.А. Тишков, С.В. Чешко. – М.: Наука, 1998. – 503 с.
- Бернштам Т.А.** Орнитоморфная символика у восточных славян // СЭ. – 1982. – № 1. – С. 22–34.
- Булычев Н.И.** Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. – М., 1899. – 97 с.
- Гаген-Торн Н.И.** Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // Этногр. обозрение. – 2000. – № 6. – С. 103–117.
- Гамзатова П.Р.** Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 139 с.
- Городцов В.А.** Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. – 1926. – № 1. – С. 7–36.
- Громыко М.М.** Духовная жизнь русского крестьянства во второй половине XVII – первой половине XIX в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – М.: Наука, 1986. – Т. 3. – С. 530–546.
- Даркевич В.П.** Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. – 1960. – № 4. – С. 56–67.
- Дурасов Г.П.** Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа // СЭ. – 1980. – № 6. – С. 87–98.
- Жарникова С.В.** О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (по поводу статьи Г.П. Дурасова) // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 89–94.
- Жарникова С.В.** Архаические корни традиционной культуры Русского Севера. – Вологда: Музей дипломат. корпуса, 2003. – 97 с.
- Зеленин Д.К.** Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. – Пг.: [Тип. А.В. Орлова], 1914. – Вып. 1. – 483 с.
- Косменко А.П.** Народное изобразительное искусство вепсов. – Л.: Наука, 1984. – 200 с.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – 163 с.
- Макаров Н.** Обитаемый и необитаемый Север // Знание-сила. – 1986. – № 5. – С. 18–20.
- Маслова Г.С.** Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
- Потанин Г.Н.** Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этногр. сб. – 1864. – Вып. 6. – С. 1–154.
- Потебня А.А.** Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 479 с.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с. – (Сер. Археология СССР).
- Славянские древности.** Этнолингвистический словарь. – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 1. – 577 с.
- Соколова В.К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 285 с.
- Стасов В.В.** Русский народный орнамент // Стасов В.В. Собр. соч. – СПб.: [Тип. тов-ва “Обществ. польза по Мойке”], 1894. – Т. 1. – С. 185–223.
- Сухарева О.А.** Орнамент декоративных вышивок и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. – 1983. – №. 6. – С. 67–79.
- Фурсова Е.Ф.** Календарные обычай и обряды восточно-славянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Обычаи и обряды весенне-зимнего периода. – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. 1. – 287 с.
- Фурсова Е.Ф.** Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 128–140.
- Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В.** Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. – Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. – 275 с.

Материал поступил в редакцию 20.07.05 г.